

Белые горы / рассказ

Category: Neçaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Белые горы / рассказ БЕЛЫЕ ГОРЫ

Рассказ из сборника «ЖИТЬ!»

1.

– Какой минеральной воды вы хотите – «Перье» или «Сан-Пеллегрино»? – спрашиваю я мужчину как можно более сексуальным голосом.

Под сексуальным голосом я имею в виду низкий с глубокими интонациями, как у Лолы, которая пользуется большой популярностью. Но у Лолы также две верхние пуговицы на платье расстегнуты. Поезд ушел. Мужчина, которому я изначально забыла предложить воды, недовольно поджимает губы, из чего я заключаю, что чаевых он мне не оставит. Скорее всего, он один из тех, которые считают, что каждый, не принесенный вовремя стакан воды, ухудшает «качество его жизни». Но мне не до него. Сегодня суббота, и в ресторане полно народу. Все смотрят на официанток. На нас приятно смотреть: мы услужливы и расторопны и мы всегда налету – подносом в руках, с блокнотом, заткнутым за пояс. Мой следующий стол – молодая пара. Они долго изучают ассортимент и, наконец, выбирают два салата. Второго, крабового, у нас нет. Женщина обиженно тычет пальцем в строку под оглавлением «Наши Фирменные Закуски». Там, действительно, черным по белому написано: крабовый салат, шестнадцать долларов. Я усиленно вглядываюсь в строчку и тут до меня доходит, что кто-то по ошибке вложил в нашу профессиональную голубую папку зимнее меню. Но раз написано, мы должны подать. Я иду на кухню и потихоньку шепчу Луису, чтобы он сделал крабовый салат. Он кивает, он сделает. А пока что я ставлю на их стол два стакана воды.

– Я не просила простой воды! – говорит женщина. – Я же заказывала минеральную!

Я извиняюсь и бегу за минеральной. Боковым зрением я вижу, как они качают головами. Что может быть хуже? Хуже может быть только, как у Ванессы, которая работает в соседнем зале. Она забыла с вечера выстирать манжеты, и на них краснеют следы кетчупа, которым вчера выстрелил ребенок за столом у окна. Молодая пара разом надевает очки. Какую воду они будут пить? Меня уже ждут за другим столиком, но они продолжают разглядывать этикетки.

– «Перье»? – подсказываю я.

Предлагая «Перье», я апеллирую к их тщеславию. К их чувству культурного превосходства. Во французском «Перье» есть что-то особенно культурное. Она, наконец, кивает, и я открываю «Перье» и уже собираюсь налить в ее стакан и в его, когда он вдруг начинает усиленно мотать головой и закрывать стакан обеими руками:

– Я сам налью!

Но воду нельзя остановить!

В конце дня менеджер отводит меня в сторону:

– Что у тебя с мозгами? Облила клиента! Два раза спутала столы! Если так будет дальше, нам придется расстаться.

Он возводит глаза к потолку. Мысль о расставании со мной ему невыносима.

После работы я буквально валяюсь с ног. Я включаю телевизор, как это делаю каждый вечер, чтобы не заснуть раньше времени. Телевизор помогает мне продержаться до положенного часа. Но это была ошибка смотреть новости. В последнее время, как ни нажмешь на кнопку, что-то взрывается. Сегодня взрывается машина, и какая-то восточная женщина падает от этого взрыва на грудь камней.

В воскресенье мы завтракаем принесенными мной с работы картофельными чипсами с солью. Вчера у нас тоже были чипсы, но другого вида. Те были сырны. Во время воскресного завтрака мы общаемся детьми, говорим с ними об их друзьях и о том, что наркотики – это плохо. С какого-то времени наша дочь не садится с нами за стол. Она наполняет чипсами большую миску и с ней в руках удаляется в свою комнату. Сквозь открытую дверь, я вижу, как она бешено печатает что-то на компьютере. Время

от времени она кладет в рот чипс и, вытирая жирные пальцы о джинсы, снова начинает печатать.

Муж ест, держа тарелку на коленях, потому что хочет что-то показать на своем планшете.

– Вчера я все-таки обогнал индуса! – говорит он. – У меня купили сорок пакетов, а у индуса только восемнадцать.

Он подносит мне планшет и объясняет что-то про синий, зеленый и красный графики. Индус Ашрафул и муж работают на Боба Финнера, продавая рекламу. Финнер их безжалостно эксплуатирует, индус уже скопил достаточно денег и собирается открыть свое дело.

Меж тем, в комнатах стоит кавардак: бумаги мужа лежат вперемежку с неоплаченными счетами. В оставленных в раковине тарелках плавают кукурузные ошметки. Я не могу себе даже представить, как за все это взяться. Все очень трудно. Очень-очень трудно.

Наконец приходит Ма. С собой она приносит куриный бульон, котлеты. Она заставляет Александру сесть за стол, но сначала вымыть руки. Александра идет в ванную, и оттуда я слышу ее ворчание и голос Ма, перекрывающий его:

– А теперь пойдешь причешишься, а то у тебя на голове Пизанская башня, – говорит Ма. Александра понятия не имеет, что такое Пизанская башня. Школа, в которую ходит – плохая, на каждом этаже дежурит полицейский. Александра считает, что Пизанские башни были в Древнем Египте.

Пока Ма готовит чай, я могу еще немного прилечь. Сегодня мы открываемся после полудня, у меня полно времени до выхода, но каждые десять минут я приподнимаюсь и смотрю на часы, висящие над моей головой. Еще полчаса, еще двадцать минут, десять. Наконец я встаю еще более уставшая, чем легла. Я приклеиваю к рукавам манжеты. Они на специальных липучках, которые не портятся при стирке, но приложить их ровно у меня никогда не получается. Нервничая и поглядывая на часы, я прилепляю проклятые манжеты, они получаются кривыми, правый выше левого, но переклеивать у меня нет времени.

Моя смена уже выстроилась в нижнем зале. Мистер Джебба размечает столы и делает пометки в журнале. Мы называемся

«кафе Касабланка», на самом деле, это старое название; мы ресторан и работаем за «чаевые». На всех девушках короткие платья с манжетами, на ногах – туфли на каблуках, которыми мы выстукиваем по паркету наше рвение поспешить на зов посетителя. Сегодня мои столы будут внизу. В дверях несколько нетерпеливых семей уже ждет, чтобы им разрешили войти. Они входят и сразу устремляются к моим столам, а дети несутся, круша небольшую ограду, к игрушкам, которые уложены в два деревянных ящика. Я смотрю на детей и мне их жалко. Что они будут делать тут, в этом сексистском ресторане? В этом мире, полном убийственных планов насчет их будущего?

Вечером мы всей семьей смотрим программу «Свидетель». Женщина поднимает руку, и ведущий – красавец преклонного возраста с явно наращенными волосами и гордым подбородком, одобрительно кивает. Женщина, домохозяйка в белых кудрях и с серьезным слоем краски на лице, рассказывает, как, выбежав на крик ребенка, увидела змею уже мертвой. В доказательство всего рассказанного камера воспроизводит дом и газон, где играла малышка, когда к ней подкралась змея. Женщина извиняется, что не может предъявить собаку, которая услышала голос свыше.

– Она недавно умерла, – говорит женщина, имея в виду собаку.

– Теперь она в раю! – восклицает ведущий, и женщина просто тает от счастья при этой новости.

– Это все правда? – спрашивает Александра мужа.

Он не слышит, занятый рассылкой электронной рекламы. За него отвечает ведущий:

– То, что вы сейчас видели, доказывает, что мир не ограничивается видимым. Нечто присутствует в нем. Ведущий объясняет аудитории, что животные чувствуют это НЕЧТО лучше нас. Мы наивно полагаемся на здравый смысл. На науку. На медицину. Он обещает, что в следующей передаче познакомит нас с людьми, вернувшимися из параллельного мира.

Ма звонит нам сразу после телепередачи. Она тоже смотрела:

– Не исключено, что что-то все-таки есть!, – говорит Ма и заодно тут же рассказывает свою историю. Там, где Ма была во время войны, золу сносили за село и сбрасывали в ямы. Сверху пепел был уже остывший, но на дне зола горела. Ма упала в яму.

Если бы не собака, которая, что-то почувствовав, примчалась из села, Ма бы не было. Говоря со мной по телефону, Ма иногда отводит трубку в сторону, и я слышу, как она откашливается. Потом она снова подносит трубку к уху, но продолжает кашлять. Я уговариваю Ма пойти к доктору и рассказать про ее кашель.

– Не морочь мне голову! – говорит она. – Откуда он пришел, туда и уйдет.

Кашель, по мнению Ма, создают сквозняки, и, вообще, все это ерунда на постном масле.

Ма, как и мы, живет в субсидированном доме. Шесть лет назад случилось одно происшествие. В квартиру Ма забрались воры. Все деньги, что она откладывала на старость, она держала в тумбочке. Она пришла с работы домой и увидела взломанную дверь и опустошенную тумбочку. Воры украли и ее обручальное кольцо. Они также помочились в кухне. Но Ма на них не в обиде. Ма говорит, что от обид у людей – болезни. Два года назад Ма сбила машина. Водитель уехал, оставив Ма лежать на шоссе. Потом Ма склеили, только ходить ей стало труднее. Ма не жалуется и на это. Она любит сидеть в небольшом сквере и разговаривать с белками. Она кормит их арахисом. Каждый день перед тем, как придти к нам, Ма совершает моцион в десять кварталов – от пожарной станции до нас и обратно.

Утром меня будит музыка, несущаяся из комнаты Александры. Я спохватываюсь, что будильник не прозвенел.

– Почему ты не в школе? – кричу я дочери.

– У нас свободная неделя перед экзаменами!

Я встаю и, шаркая шлепанцами, иду к мужу, чтобы сказать, что ему нужно позаниматься с Александрой историей.

– Я позанимаюсь, – отвечает он из-за компьютера.

Моя собственная мать умерла, когда мне было пять лет, вырастила меня ее старшая сестра – Ма. Ма тоже работала официанткой в ресторане, потом на хлебзаводе, потом бейбиситтером. Все, что я хочу, это чтобы Александра была счастливой и умной. Чтобы старший нашел работу. Умных не обижают

– Что ты знаешь про Томаса Джефферсона? – спрашиваю я Александру.

– Кто это?

Александра сидит на диване и лениво просматривает каталог с летней одеждой. Она думает, что Томас Джефферсон работает со мной...

– Попроси Ма рассказать про американских президентов! – говорю я ей, потому что у меня нет времени.

– Еще чего, – гримасничает Александра, включая телевизор.

Перед работой Ванесса, Лола и я курим во дворе.

– Интересно, где мы все будем через десять лет? – спрашивает Ванесса, задумчиво выпуская из носа синюю струю дыма. – Тебя, Лола, я вижу замужем за красивым итальянцем. У тебя будет двое детей, мальчик и девочка. Ты будешь работать врачом-диетологом, – добавляет она вещим голосом.

– А ты, Ванесса, будешь актрисой! Я тебе точно говорю! – обещает Лола своими красивым грудным голосом

– Але-але, я здесь тоже присутствую! А я где буду через десять лет? – спрашиваю я их.

– О, ты!

Теперь, когда все внимание направлено на меня, я довольна.

Каждые полчаса я выбегаю покурить. Таких людей, как я – отдадим себе в этом отчет – на планете много. Большинство людей на этой планете устроены так же. Мы несчастны и эгоистичны. Может быть, в детстве мы была лучше? Вряд ли. Может быть, хоть в самом раннем? В самом раннем ведь все устроены чуть лучше. Чуть справедливее. Или мы просто не помним каких-нибудь гадких подробностей? Вот Ма – другое дело. Ма живет для других. Для женщин, с чьими детьми она сидит бесплатно, для меня, чьи жалобы она вечно слушает и всегда находит слова утешения.

Я направляюсь в первому столу. Когда блондинка за ним снимает солнечные очки, я узнаю Марианну. Мы с ней учились в старших классах гимназии. Тогда она была робкой полной девушкой с кривыми зубами и лоснящимся лбом. Теперь на зубах у нее корректирующие пластинки. Несмотря на некоторую скованность в ротовой полости, она улыбается мне с чувством превосходства. Она не думала встретить меня здесь, говорит она, обводя меня своими ясными, неумными глазами. Потом она представляет мне своего своего супруга. Его зовут Скотт. Он привстает, пожимает

мне руку и сразу незаметно обтирает ее о салфетку. От постоянного напряжения у меня потеют ладони.

– Мы проезжали мимо и подумали...

Марианна не успевает сообщить, о чем именно они подумали, потому что в эту секунду ее ребенок подбегает к столу и начинает тянуть ее за руку. При этом он наступает мне на ноги, и, поскольку весит он, как минимум, пятьдесят фунтов, он уже изрядно отдавил мне носки.

– Малыш, сейчас мама закажет тебе хот-дог! – воркует Марианна, обдавая всех, и меня, и ребенка синей от выпрямляющей пластинки улыбкой, в которой, к тому же, посверкивают небольшие стразы.

– Я хочу тот трактор, а он не дает! – кричит ребенок и тянет мать за собой.

Марианна делает мне жест, что она сейчас вернется к разговору. Ее короткие наманикюренные пальцы колышутся в воздухе. Далее она объясняет ребенку, что ему нужно подождать, когда другой мальчик наиграется поездом. Все это Марианна говорит специально громко, рассчитывая, что те родители сейчас повскакивают с мест и отдадут ее сыну требуемую игрушку. Так оно и происходит. Но теперь второй ребенок бежит к нашему столу в слезах.

– У нас нет хот-догов, – говорю я, меж тем, ее мужу. – Может быть, вы возьмете ему бургер?

Муж не знает. Он – из тех мужей, которые заняты более важными мыслями. Второй ребенок продолжает орать, стоя рядом со мной и тыча мне в живот пультом управления от этого поезда. Я вижу хозяина, который появляется в дверях кухни. Он бросает в нашу сторону быстрые, тревожные взгляды. Наконец, мне удастся привлечь внимание Марианны, и она заказывает рекомендуемый бургер с катофелем-фри и к нему две порции мороженого:

– Давай встретимся как-нибудь, вспомним школу! Помнишь Майкла Корри? – добавляет Марианна конспиративным шепотом.

Я помню Майкла Корри, только все это бла-бла-бла. Встретаться со мной она не собирается, да и живет она в другом городе.

В короткий перерыв я бегу домой. Ма хозяйничает на кухне. С собой она принесла пластмассовую банку с борщом и жареную

рыбу. Она разогревает борщ. Рыба имеет специфический запах, потому что Ма покупает ее в дешевом китайском магазине. Александра не хочет рыбы, но она съест борщ. Ма никогда не ест с нами. Она оттирает пятна на кухонном прилавке, собирает салфеткой гарь, оставленную сбежавшим кофе. Она должна поделиться статьей, прочитанной ей в русской газете – про параллельный мир, куда исчезают люди. Ма с решеткой от газовой плиты в одной руке другой рукой в желтой резиновой перчатке убирает со лба выбившиеся из-под шапки седые волосы:

– Беременная женщина исчезла прямо на приеме у врача! Он пишет, что оставил ее пару минут, чтобы она могла переодеться, а, когда вошел, на стуле были только ее вещи.

Закончив эту историю, Ма переходит к следующей. Про мужчину, который исчез на виду всей семьи с газона у дома. Косилка осталась, а он исчез.

2.

Приходит май. Воздух пропитан сиренью и гиацинтами. «Нам всем надо отдохнуть!» – говорит Ма, и, в результате, на свою пенсию заказывает нам два номера в горном мотеле в Нью-Хэмпшире. Александра будет уже в летнем лагере, а мы поедем. Но в последний момент оказывается, что Александре нужно доздавать экзамены, и Ма остается сидеть с ней дома, а мы едем отдыхать вдвоем. Впервые за двенадцать лет мы с мужем едем в отпуск. В Белых Горах сезон еще не начался, цены в полтора раза ниже. Мы останавливаемся в лучшем номере мотеля, где на тумбочках по графину с водой и в ванной комнате – мягкие белые полотенца. В среду мы выходим из гостиницы навстречу яркому дню. На небе ни облачка. Муж хорошо ориентируется в горах, и мы быстро находим озеро. Я уже стою с полотенцем на краю деревянного мостика, когда раздается телефонный звонок. Муж услужливо приносит мне телефон. Это Ма, она звучит странно. Каким-то тягучим голосом она говорит что-то про доктора, который делал ей сканирование и – пшшшш... Я прошу, чтобы она говорила отчетливей, потому что мы в горах.

– Что-то они нашли. Я ничего не понимаю, что они тут говорят...

Доктор Хартман хотел с тобой поговорить!

– Дай ему трубку!

– Его нет. Позвони ему сама. Там какая-то ерунда, конечно, ничего особенного...

В номере я заряжаю телефон и звоню в больницу доктору Хартману. Попадаю я, конечно, на автоответчик. Потом я звоню по другому телефону и прошу связать меня с доктором Петренко, который много лет лечащий врач Ма.

– Доктор Петренко в отпуске! перезвоните через неделю! – бодренько отвечает секретарша.

Я прошу дать мне личный телефон Петренко, но она не дает. Я снова вынуждена звонить в больницу, снова со мной говорит автоответчик, на котором я оставляю длинное, сбивчивое сообщение. Заклинаю невидимого Хартмана тут же перезвонить мне и объяснить, что такое он нашел у Ма. Одновременно мы с мужем начинаем паковать вещи. За мотель мы заплатили на неделю вперед. Девушка услужливо открывает компьютер и сообщает, что мы не имеем права на компенсацию.

Муж отводит меня в сторону:

– Давай подождем до вечера! Может, действительно, ничего особенного? Нашли какой-нибудь полип, который легко удаляется...

До вечера мы сидим в номере. Муж работает, я в кровати смотрю телевизор. Доналд Рамсфелд объясняет во время пресс-конференции, что журналисты сильно сгущают краски:

– Нам показывают, как, якобы, банды разрушают жилые дома, грабят магазины, выносят вазы и ковры, и прочее. Это – полная ерунда! Нам просто показывают один и тот же магазин.

В восемь тридцать вечера меня будит звонок. Это из больницы, но доктора плохо слышно. С телефоном и записной книжкой в руках я выхожу на улицу, муж следует за мной. Слышимость здесь не улучшается. Доктор Хартман звучит так, как будто он звонит из разрушенного здания в Багдаде.

– Подождите, это очень важно! Сейчас я поднимусь повыше! – кричу я ему и поднимаюсь по пожарной лестнице на крышу. С каждой ступенькой звук в трубке становится четче.

– С вами говорит доктор Хартман. У меня записан ваш телефон

как контактный. Мы делали вашей маме сканирование грудной клетки и нашли опухоль.

Отсюда, с крыши, мне надо сказать ему что-то очень важное, чтобы доктор Хартман понял, что мы не можем потерять Ма. Я говорю ему, что у нее в жизни было мало радости. В детстве во время войны она чуть не сгорела в яме с пеплом, что все деньги, которые она скопила, у нее украли воры. Всю жизнь она работала, а пенсия у нее маленькая. И все это я говорю незнакомому доктору и одновременно понимаю, что то же самое говорят ему сотни, тысячи людей. Может быть, у многих из них даже нет страховки, и она должны платить за операцию сами. По крайней мере, у Ма есть страховка. Мы не можем потерять Ма. После многих лет Ма наконец обрела что-то, что доставляет ей радость. У Ма есть комната в субсидированном доме, которую она любит, несмотря на сквозняки. И Ма любит дорогу от пожарной станции, и белок, и чахлые тюльпаны вдоль шоссе. Сколько еще в мире найдется людей, которые могут любить это?

Вернувшись мы с мужем хлопочем, и к следующему четвергу у Ма назначена встреча с главным анестезиологом больницы. Вместе с Ма мы входим в кабинет и застаем в нем человека в дымчатых очках. Он будет задавать Ма вопросы, касающиеся ее здоровья. Больше всего Ма переживает, что у нее очень глубокие вены, в которые не так-то просто попасть иглой. Она смотрела передачу про такие случаи, когда врач не мог найти вену. Мужчина в темных очках улыбается, и мы начинаем бесконечный разговор. Он водит по списку пальцем. «Вот здесь в груди», – показывает она. Человек в дымчатых очках качает головой и принимает решение, что операцию надо отложить и проверить сердце Ма. Ма всех успокаивает. Она пойдет к доктору Петренко, и все будет замечательно.

Чудовищный июль. Все время льет дождь, и Ма кашляет, не переставая. Она лежит в гостиной, и стены сотрясаются от ее кашля. Но сердце, как показала кардиограмма, у нее в порядке, и человек в очках при повторном свидании подписывает разрешение. На операцию мы едем всей семьей. Ма надевают на руку белый ремешок с ее именем. Мы садимся близко от двери, чтобы не пропустить, когда нас позовут. У мужчины в соседнем

кресле такое же, как у Ма направление на операцию. Каждые две минуты он взглядывает на часы и вздыхает.

– У вас на сколько назначена операция? – спрашивает он, наконец.

– На десять.

– А у меня на девять, так что меня возьмут первым!

– У вас на двенадцать! – говорит одна из тех регистрационных женщин, которая каким-то образом слышит этот разговор.

Когда женщина отворачивается, мужчина крутит пальцем у виска.

– Ей не верьте, у меня на девять.

– Сколько мы будем тут сидеть? – спрашивает Александра.

В руках у нее айфон, по которому она смотрит всякие шоу.

– Что это у тебя? – спрашивает Ма, вглядываясь.

– Так... ничего.

– Вас раньше одиннадцати не позовут, так и знайте, – вклинивается мужчина

Ма уже лежит за занавеской в большой комнате, где много пациентов в больничных рубашках лежат за такими же занавесками в цветочек. Предплечье Ма перетянута оранжевой резинкой уже десять минут, и молодой ординатор уже десять минут ковыряется в сосудах иглой. Он нервничает так сильно, что с его наморщенного лба на простыню падают капли пота. Через пятнадцать минут он сдаётся и просит Ма подождать. Другому ординатору тоже не везет, но он, по крайней мере, спокоен. Что-то насвистывая, он развязывает резинку и просит разрешения попробовать сделать укол на левой руке. Ма послушно подает руку, а другая ее рука, вся синяя, исколотая падает на простыню. Мы все облегченно вздыхаем, когда он сходу попадает в вену. Когда лекарство в трубке начинает капать, приходят два санитары, один опускает изголовье, другой освобождает тормоз у изножья каталки. Ма вывозят из-за занавески, а мы идем рядом. Она просит, чтобы мы, когда она проснется, принесли ей зеркало и помаду. Она уже в полудреме, но перед операционной она вдруг открывает глаза и делает санитару знак, чтобы тот остановил каталку.

– Подойти ближе, – говорит она мне, и я подхожу.

– Завтра ты бросишь курить! Поняла? – говорит она, трясась. –

Если ты не бросишь, то через пять лет у тебя найдут рак легких, и еще через полгода твоя дочь останется сиротой! И еще... Через неделю ты подашь документы в Уинстон-колледж... Я уже договорилась там...

Губы Ма белеют, глаза начинают блуждать, но она еще хочет поговорить с мужем. Ма приподнимается на локте и делает жест, чтобы он подошел:

– Я переписала на тебя деньги, которые заплатила страховая компания. Сто тысяч. Я вам не сказала. Возьми их и открой свой бизнес! Понял? – хрипит Ма.

Муж переминается с ноги на ногу. Он не хочет брать деньги, которые Ма получила за аварию. Он также не хочет предавать своего работодателя. Из груди Ма вырывается хрип:

– Дурак, никого ты не предаешь!

Она уже совсем отяжелела от наркоза, голос ее не слышится. К ней подбегают санитары, просят лежать смирно.

Она отмахивается от них и требует, чтобы Александра подошла к ней.

Александра испуганно смотрит на нас:

– Что с Ма?

Мы сами не на шутку испуганы.

– Подойди сюда! – повторяет Ма, и та подходит.

Ма берет ее за руку:

– Ты завтра пойдешь в библиотеку и попросишь, чтобы тебе дали книгу по американской истории. Ты прочтешь ее от корки до корки. Я знаю будущее! Если ты не прочтешь этой книги, то через десять лет ты будешь мыть посуду в кафе Касабланка. И ты будешь делать это с утра до ночи и проклинать свою жизнь. В тридцать четыре года у тебя будут опухшие ноги, и твои дети будут тебя презирать! Распухшие ноги и больное сердце! – добавляет Ма совсем уже глухим голосом.

– Джисус! – бормочет Александра.

Белая, как стена, она хочет вырваться, но у Ма откуда-то взялась невероятная сила.

– Обещай! – хрипит Ма, ухватив Александру за руку и не отпуская ее.

– Джисус! Я обещаю, обещаю... – Кричит Александра.

Санитары уже держат дверь открытой, там виднеются в белом свете белые горы.

– Помаду не забудьте! – кричит Ма, увозимая туда.

Об авторе: КАТЯ КАПОВИЧ

Родилась в Кишиневе, живет в Кембридже (США). Окончила Кишиневский педагогический институт, факультет славистики Гарвардского университета. Редактор англоязычного поэтического журнала «Fulcrum». Автор журналов «Знамя», «Новый мир», «Звезда», «Арион», «Воздух», «Волга» и др. Автор книг «Вдвоем веселее», «Веселый дисциплинарий», «Свободные мили», «Милый Дарвин» и др. Лауреат премии Библиотеки Американского Конгресса, стипендиат Эмхерстского университета. Некаýalar